

II.

БИБЛИОГРАФІЯ.

ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ ВОЕННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

III.

Streffleur's Oesterreichische Militairische Zeitschrift, redigirt von Moritz Brunner, k. k. Hauptmann im Genie-Stabe. Wien 1870.

Валентинъ Штрефлеръ, основатель и редакторъ «Австрійскаго Военнаго Журнала», умеръ въ июль прошлаго года. Въ 1822 году, имѣя четырнадцать лѣтъ отъ роду, онъ поступилъ юнкеромъ (кадетомъ) въ армію и прослужилъ двадцать восемь лѣтъ, сначала, до подполковника, въ пѣхотномъ барона Гесса полку, потомъ при генеральномъ штабѣ. Въ чинѣ капитана, не переставая нести строевую службу, Штрефлеръ былъ назначенъ профессоромъ при итальянской дворянской гвардіи, а въ чинѣ маіора преподавалъ (1847—1848) военныя науки эрцгерцогу Францу-Юсифу, нынѣшнему австро-венгерскому императору. Съ января 1850 по ноябрь 1859 годъ Штрефлеръ состоялъ въ гражданской службѣ, по министерству торговли и финансовъ; потомъ былъ назначенъ генераль-крангсъ-комисаромъ въ военномъ министерствѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ему поручено было изданіе «Австрійскаго Военнаго Журнала», редакціей котораго онъ завѣдывалъ до самой своей кончины.

Мысль объ изданіи для австрійской арміи военно-ученаго органа давно занимала Штрефлера; такъ что, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду, онъ готовилъ матеріалъ для задуманнаго имъ, съ весьма обширными цѣлями, журнала. Онъ желалъ, чтобы журналъ не только способствовалъ оживленію и поддержанію въ арміи того научнаго

духа, который въ военныхъ дѣлахъ одинъ можетъ доводить до существенныхъ результатовъ, какъ то неопровержимо доказали новѣйшія событія, но чтобы дѣйствіе его распространялось и за предѣлы арміи—на администрацію, торговлю, воспитаніе, часть санитарную—и чтобы журналъ служилъ живомъ, благотворною связью между арміей и народомъ. Австрійской арміи, при совершенно особенныхъ условіяхъ Австріи, какъ государства составленнаго изъ разноплеменныхъ элементовъ, Штрефлеръ приписывалъ и совершенно особенную мисію: по его убѣжденію, австрійская армія, подобно самому государству собранная изъ разнородныхъ стихій, должна была, сверху до низу, быть проникнута мыслию, что она есть не только орудіе для сохраненія внутренняго мира и порядка и для поддержанія внѣшней безопасности имперіи, но и такая многочисленнѣйшая корпорація въ государствѣ, въ которой ступенчато сходятся всѣ отѣнки, гдѣ общіе интересы разныхъ національностей сливаются въ единство и гдѣ вырабатывается сознаніе въ необходимости этой гармоніи, распространяющееся потомъ и въ другихъ сферахъ. Болѣе и болѣе облагораживать такое чувство, постоянно возвышать значеніе гражданского военного организма введеніемъ во всѣ части его истинно-научнаго духа—вотъ въ чемъ видѣлъ Штрефлеръ задачу своего журнала.

Осуществима-ли была такая безпредѣльная, можно сказать идеальная, задача, объ этомъ говорить здѣсь не у мѣста; но къ чести Штрефлера должно сказать, что надежда никогда не покидала его, даже послѣ жестокихъ ударовъ, испытанныхъ Австріей въ 1859 и въ 1866 годахъ. Онъ неустанно шелъ по избранному имъ пути, стараясь сохранить за своимъ журналомъ строго-научный характеръ, помѣщалъ на страницахъ его даже такія ученые статьи, которыя почти не имѣли отношенія къ военному дѣлу, заботился о его разнообразіи и достигъ того, что «*Oesterreichische Militairische Zeitschrift*» занялъ почетное мѣсто между военными органами не только Австріи, но и всей Германіи. Даже прусскіе военные публицисты, вообще неохотно отдающіе въ чемъ-либо предпочтеніе австрійцамъ, ставятъ этотъ журналъ несравненно выше своихъ собственныхъ періодическихъ изданій. Во Франціи, въ Англіи, въ Америкѣ и у насъ Штрефлеровъ журналъ также цѣнится, по достоинству, военными людьми, ищущими серьезнаго чтенія.

Въ послѣдніе годы своей жизни Штрефлеръ былъ назначенъ начальникомъ отдѣленія въ учрежденномъ военнымъ министромъ Буномъ технико-административномъ военномъ комитетѣ. Это назначеніе дало новую нишу его неутомимому трудолюбію: онъ сталъ издавать,

въ видѣ особаго приложенія къ своему журналу, другой журналъ и, притомъ, весьма хорошій по своему внутреннему достоинству: «Mittheilungen über Militair-Statistik und militairische Verwaltung» (*Сборникъ военно-статистическихъ и военно-административныхъ матеріаловъ*).

Редактируя съ большимъ талантомъ «Австрійскій Военный Журналъ» въ продолженіе десяти лѣтъ, Штрефлеръ и самъ писалъ для него статьи по разнымъ современнымъ, военнымъ и не-военнымъ, вопросамъ. Кроме того, имъ издано нѣсколько отдѣльныхъ книгъ и брошюръ; онъ извѣстенъ также своими картографическими трудами, между которыми особенно замѣчательны: карта судоходства по Дунаю, ипометрическія учебныя карты австрійскихъ коронныхъ земель и подробный планъ Вѣны.

Мы намѣрены изложить вкратцѣ содержаніе нѣкоторыхъ статей, помѣщенныхъ въ «Австрійскомъ Военномъ Журналѣ» за послѣдній годъ редактированія его Штрефлеромъ, чтобы познакомить читателей съ характеромъ и направленіемъ этого періодическаго изданія.

Далмація и ея укрѣпленіе. Политико-военный очеркъ.
 Авторъ этой обширной статьи, инженерный офицеръ, объясняетъ въ предисловіи, почему онъ назвалъ свой этюдъ *политико-военнымъ*. Онъ говоритъ, что, въ наше время, политическія соображенія сдѣлались почти неизбежными, и, притомъ, политико-статистическія данныя и замѣтки касаются внутренняго состоянія Далмаціи и проливаютъ свѣтъ на ея отношенія къ австрійской монархіи. Но, само собою разумѣется; фортификаціонный вопросъ играетъ главную роль: статья и написана именно съ тою цѣлю, чтобы показать нынѣшнее состояніе укрѣпленій въ Далмаціи и объяснить, что остается еще сдѣлать тамъ по этой части. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что, при описаніи существующихъ укрѣпленій, исключены подробныя свѣдѣнія о ихъ гарнизонѣ и вооруженіи; точно также и относительно будущихъ фортификаціонныхъ построекъ показанія имѣютъ лишь самый общій характеръ. Авторъ оправдывается въ этомъ пробѣлъ требованіями государственнаго интереса. Онъ имѣлъ еще въ виду дать читателю опорную точку для обсужденія вопроса: почему Австрія должна заботиться о сохраненіи за собою Далмаціи и какія общія государственныя выгоды требуютъ обезпечить обладаніе этою приморскою областью? Съ прискорбіемъ сознается авторъ, что Далмація—одна изъ наименѣе извѣстныхъ земель австрійской монархіи въ самой Австріи, и что только вслѣдствіе возникнувшаго въ южной части ея, въ австрій-

ской Албаніи, возстанія, заговорили о Далмаціи. «Но еще медленно», прибавляетъ онъ, «ирагъ забвонія, покрывающій весь восточный берегъ Адриатическаго Моря — родина Пирра, Діоклеціана и Скандербегъ — уступаетъ мѣсто болѣе короткому съ нимъ знакомству; все еще слышатся мнѣнія о значеніи Далмаціи и о ея отношеніяхъ къ монархіи, доказывающія жалкое невѣдѣніе ея судьбы, ея цѣлей и стремленій. Столько же недостаточно и участіе, принимаемое общественнымъ мнѣніемъ въ развитіи нашей всемірной торговли, нашего военнаго флота и, наконецъ, въ постройкѣ укрѣпленій».

Должно отдать автору справедливость въ весьма тщательной работкѣ избраннаго имъ предмета. Бромѣ собственныхъ наблюденій (онъ живетъ, по службѣ, въ Рагузѣ), онъ пользовался многочисленными, отчасти архивными, источниками на языкахъ дѣшецкомъ, французскомъ и итальянскомъ, и собралъ множество самыхъ мелкихъ подробностей для ознакомленія своихъ соотечественниковъ съ мало-извѣстною Далмаціей и для выясненія ея значенія. Онъ говоритъ прямо, что теперь длинная, бесплодная полоса на восточномъ берегу Адриатики не только не приноситъ Австріи матеріальной пользы, напротивъ, требуетъ нѣкоторыхъ жертвъ, но что въ рукахъ могущественнаго государства эта приморская полоса была бы драгоценнымъ владѣніемъ. Въ доказательство авторъ указываетъ на всѣ культурныя націи міра, боровшіяся у береговъ Далмаціи за ея обладаніе, и затѣмъ развиваетъ мысль, почему эта область необходима для Австріи. «Далмація», говоритъ онъ, «необходима намъ столько же, сколько необходимъ Россіи ея прибалтійскій край, Англіи Плимутъ и Портсмутъ съ ихъ колоссальными укрѣпленіями, нынѣ строющимися, а Франціи Шербуръ, Брестъ и Тулонъ, вмѣстѣ съ ея другими многочисленными укрѣпленными гаванями. Значило бы перерѣзать главную жилу нашего будущаго преуспѣянія, если бы мы, опираясь на пыншія наши неудовлетворительныя береговыя укрѣпленія, не могли предотвратить, чтобы какое-нибудь другое государство утвердилось на порогѣ нашей имперіи, напримѣръ въ Каттаро, и тамъ учредило бы таможеню, которая обложила бы чаша суда позорною пошлиною и повредила бы нашей торговлѣ, даже уничтожила бы ее». Но не ради самой страны и не ради одной своей торговли Австрія должна, по мнѣнію автора, во чтобы то ни стало, стараться сохранить Далмацію: этого требуютъ высшіе государственныя интересы, ибо не все равно для Австріи, какая держава будетъ граничать съ нею въ этихъ мѣстностяхъ. Пуще всего боится авторъ, что чрезъ Далмацію прорвутся къ морю турецко-славянскія племена, да, кромѣ того, въ

страшится небывалых замыслов Россіи на эти земли и выражает свои опасенія слѣдующимъ образомъ: «Если наши сухопутныя и морскія силы не въ состояніи будутъ воспрепятствовать возникновенію русской военной гавани на берегахъ Далмаціи, то не только нашему флоту, нашей торговлѣ, но и нашей государственной силѣ не будетъ болѣе мѣста въ Адриатическомъ Морѣ. То вліяніе, которое мы имѣемъ въ Левантѣ и въ католическихъ славянскихъ земляхъ по эту сторону Балкановъ, было бы навсегда утрачено, вмѣстѣ со всеми надеждами на обладаніе ими. Россія, владѣющая даже однимъ пунктомъ на далматинскомъ берегу, была бы постоянною угрозою бытію Австріи... Воспользуемся же временемъ мира для обезпеченія нашихъ береговъ, пока Турція еще существуетъ въ настоящихъ своихъ предѣлахъ. Только такимъ путемъ мы будемъ имѣть возможность, въ тотъ моментъ, когда Турцію постигнетъ неизбежная судьба, сохранить за собою наше владѣніе, задвигать и энергически поддерживать наши требованія».

Послѣ всѣхъ этихъ соображеній авторъ приступаетъ къ фортификаціонной части своего трактата, обработанной съ такою же тщательностію какъ и первая, собственно политическая, часть. Изъ очерка его можно хорошо ознакомиться со всеми подробностями укрѣпленій, существующихъ нынѣ въ Далмаціи, и съ тѣми новыми постройками, которыя авторъ считаетъ необходимыми. Статью свою онъ ограничиваетъ вопросомъ объ издержкахъ на сооруженія новыя и на улучшеніе старыхъ, но не развѣршаетъ его, а только говоритъ, что въ особенности дорого будутъ стоить новыя желѣзные щиты и орудія и для примѣра указываетъ на Англію, укрѣпленіе береговъ которой, съ 15-дюймовыми панцирными щитами, обойдется приблизительно въ восемь миліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Хотя авторъ и надѣется, что австрійскому военно-ученому комитету удастся придумать цѣлесообразныя и вмѣстѣ дешевыя сооруженія, однако онъ убѣждаетъ не останавливаться ни предъ какими расходами: «издержки на сильное укрѣпленіе Далмаціи», прибавляетъ онъ, «навѣрное не достигнуть той цифры, въ какую обошлася бы убытокъ отъ вторженія непріятеля въ страну много укрѣпленную; не достигнуть и половины той военной контрабунціи, которую государство вынуждено было бы заплатить послѣ несчастной кампаніи».

Статья ограничивается политическою исповѣдью автора, которая есть только отголосокъ общаго мнѣнія въ Австріи: «Цѣль Австріи та, чтобы, при распаденіи Европейской Турціи, не остаться съ пустыми руками, но приобрести земли, которыя послужили бы навыгод-

нѣйшимъ, почти неизбежнымъ дополненіемъ чрезвычайно невыгоднаго очертанія далматинской береговой полосы. Племенное родство и языкъ жителей въ обѣихъ частяхъ одинаковы. Если же мы хотимъ упрочить за собою симпатіи этихъ народовъ, въ чемъ Россія, уже не единовѣрью съ ними, успѣшно соперничаетъ съ нами, то это можетъ быть достигнуто только проявленіемъ нашей силы, опредѣленною, энергическою политикою, постройкою внушительныхъ укрѣпленій, а отнюдь не уступчивостію и снисходительностію, какъ было до сихъ поръ. На грубые народы можно дѣйствовать лишь твердостію и силою. Если мы хотимъ привязать къ себѣ важнѣйшія племена южныхъ славянъ, то надобно, чтобы они питали къ намъ довѣріе: они должны видѣть, что мы серьезно намѣрены удержать мѣста ихъ поселеній, т. е. берега, и такимъ образомъ господствовать надъ моремъ, источникомъ культуры и благоденствія».

Свидѣтельствомъ прилежнаго изученія австрійскими офицерами южно-славянскихъ земель служитъ также статья: «Южная Далматія и Черногорія въ 1869 году». Это чисто военно-географическій очеркъ, безъ всякихъ толкованій.

Краткое, но вѣское слово высшимъ военачальникамъ. Это небольшое обращеніе или воззваніе принадлежитъ фельдмаршалу барону Гессу и заключаетъ въ себѣ если не новизна, то, безспорно, никогда не старѣющія истины. Оно было написано по поводу разгромленія австрійскихъ арій пруссаками въ 1866 году и вступленія всего государственнаго строя Австріи на новый путь, который, по мнѣнію заслуженнаго ветерана, долженъ имѣть въ результатъ возрожденіе монархіи, а вмѣстѣ съ нею и обновленіе ея вооруженныхъ силъ. Цѣлію же престарѣлаго фельдмаршала было показать, *гдѣ и какой* долженъ быть рассадникъ свѣдующихъ и способныхъ генераловъ австрійской арміи. Гессъ напоминаетъ, что еще съ начала наполеоновскихъ войнъ утвердилось въ старыхъ служакахъ, когда они шли въ виду достигнуть полковничьяго чина, убѣжденіе: «До полковника дойду, но не дагѣ! Послужу до перваго генеральскаго чина, потому что еще смогу образовать часть моему государю; но затѣмъ выйду въ отставку: для высшаго командованія—я это чувствую—у меня нѣтъ способностей; нѣтъ и отваги служить дагѣ». Пехвала это честное чувство, Гессъ замѣчаетъ, что оно овладѣваетъ, болѣею частью, тѣми полковыми командирами, которые, по природѣ своей, *не имѣютъ предприимчиваго характера*, а между тѣмъ знаютъ свое дѣло и только пугаются болѣе обширнаго круга дѣятельности. «Справедливо, что не всякій бригадный начальникъ способенъ быть коман-

дующимъ генераломъ. Но нужно ли это? Предположимъ, что арміи потребно имѣть всего триста генераловъ, изъ которыхъ пятьдесятъ займутъ высшія мѣста, а другіе пятьдесятъ будутъ начальствовать дивизіями. Остальные двѣсти генераловъ, предназначенные командовать бригадами, будучи взяты даже изъ ряда полковниковъ-служащихъ (*aus der Reihe wahrer Troupiere*), т. е. людей опытныхъ, хотя и лишенныхъ научнаго образованія, могутъ быть существенно-полезными, получивъ вдвое большее число войскъ въ команду: имъ стоитъ только перенести свою опытность на это число войскъ, что не представляетъ непреодолимой трудности для военнаго человѣка, еще обладающаго физическими силами и умственнымъ сообразительностію». Фельдмаршалъ Гессъ не отрицаетъ, что вновь произведенные генералы могутъ найти много для себя поучительнаго въ урокахъ и наставленіяхъ эрцгерцога Карла, графа Радецкого, эрцгерцога Альбрехта, генерала Буна, интѣрнаго военнаго министра, и генераловъ завѣдывающихъ учебными лагерями при Брукъ; другими словами: Гессъ допускаетъ, что, тѣмъ путемъ, полковникъ, произведенный въ генералы, можетъ приготовить себя *теоретически* къ ожидающей его дѣятельности; но боевой ветеранъ признаетъ *практическую* форму обученія *единственно-серьезно* для достиженія бригаднымъ начальникомъ подлежащей ему высокой цѣли и полагаетъ, что эта форма должна быть возведена въ уставное правило. Еще труднѣе тѣмъ тому назадъ, при фельдмаршалѣ Радецкомъ, она служила дѣйствительнѣйшимъ средствомъ образованія для начинающихъ генераловъ. Притомъ, такая форма есть какъ бы продолженіе образованія, получасимаго офицерами, начиная снизу; она только переносится въ высшія сферы, для довершенія цѣлаго. Подобно тому, какъ только-что произведенный молодой офицеръ руководствуется наставленіями своего ротнаго командира, равно и капитанъ, произведенный въ майоры, принимаетъ совѣты полковаго командира, такъ и полковникъ, получивъ, съ чиномъ генералъ-майора, въ командваніе бригаду, можетъ пользоваться практическими уроками своего непосредственнаго начальника—командира дивизіи. «Побѣда будетъ неразлучно сопровождать знамена только той арміи, гдѣ офицеры, послѣдовательно и при взаимной помощи, сливаются въ единичную массу одинаково-дѣйствующей высшей интеллигенціи, стратегически-тактической сообразительности и всерѣзняющей энергіи», прибавляетъ престарѣлый фельдмаршалъ въ назиданіе своимъ бывшимъ сослуживцамъ. Затѣмъ онъ переходитъ къ объясненію того, что долженъ или что обязанъ дѣлать командующій генералъ для озна-

команды подчиненныхъ ему генераловъ и съ разнообразными условіями ихъ новыхъ обязанностей, и съ требованіями боевой практики.

Изъ дальнѣйшихъ словъ барона Гесса видно, что именно такъ и поступаютъ въ австрійской арміи заботливѣе главные начальники; но онъ еще разъ повторяетъ, что «все это должно быть возведено въ *непреклонное уставное правило*, если хотять достигнуть возможнаго единства въ основныхъ началахъ высшаго командованія и созвать, такъ сказать, однородную расу генеральства (*eine gleichartige Race der Generalität*)».

Въ заключеніе наститый воинъ предлагаетъ главнымъ военачальникамъ помнитъ день и ночь слѣдующее основное правило войны:

«Истинный фундаментъ рѣшительнаго наступленія или вышедшей силы сопротивленія при оборонѣ осмевивается, безсмертно, на подготовленной, въ теченіе многихъ лѣтъ мира, превосходной организаціи всѣхъ частей арміи. Но эта организація можетъ положить только основаніе побѣдѣ; осуществить же побѣду можетъ единственно моральная связь войска, обученнаго и приготовленнаго къ бою дисциплиною и духомъ товарищества, а главное—*непоколебимымъ духовнымъ мужествомъ и практическимъ смысломъ высшихъ военачальниковъ*».

Обращеніе или воззваніе Гесса къ австрійской арміи было написано имъ въ январь 1870 года. Въ началѣ апрѣля того же года (1-13-го числа) фельдмаршалъ умеръ.

Употребленіе егерей или баталіоновъ легкой пѣхоты въ связи съ кавалеріей. Начиная съ 1866 года, стала обнаруживаться потребность поддерживать кавалерію баталіонами легкой пѣхоты, вслѣдствіе мѣстныхъ условій и введенія въ употребленіе огнестрѣльнаго оружія заряжающагося съ казны. Въ военныхъ журналахъ, и даже въ отдѣльныхъ брошюрахъ, обсуждались самыя разнообразныя предложенія и мнѣнія о способѣ употребленія такихъ снѣжныхъ частей войскъ, основанныя, прежде всего, на практикѣ, потому на прилѣрахъ изъ исторіи войнъ наполеоновскихъ, сѣверо-американской и событій 1866 года. Авторъ статьи подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ высказываетъ, по этому предмету, свое мнѣніе, вынесенное изъ боевой практики: командуя ротой егерей, онъ неоднократно участвовалъ въ партизанскихъ дѣйствіяхъ вмѣстѣ съ дивизиономъ кавалеріи и двумя орудіями.

«Прежде всего», говоритъ авторъ, «начальники летучаго отряда, составленнаго изъ кавалеріи и легкой пѣхоты, должны имѣть ясное понятіе о томъ, какихъ физическихъ и моральныхъ услугъ онъ въ прѣвъ требовать отъ подчиненныхъ ему войскъ. Чтобы знать вѣру

вгихъ услугъ, онъ обязанъ испытывать ихъ еще въ мирное время и почерпнуть наставленія изъ исторіи войнъ. Самостоятельное дѣйствованіе по мысли полководца—задача прекрасная; благодарная, но трудная. Малую войну ведутъ не своему усмотрѣнію, и быть только частію великаго цѣлаго, глазомъ и ухомъ полководца—задача также нелегкая. Весьма вѣроятно, что начальникъ смѣшаннаго отряда будетъ взятъ изъ кавалеріи, которая для подобныхъ самостоятельныхъ задачъ, обуславливаемыхъ подвижностію, есть главное оружіе. Если же этотъ кавалерійскій начальникъ не захочетъ приискать къ себѣ легкую пѣхоту только какъ свинцовую гирю, но пожелаетъ извлечь изъ нея пользу, то онъ обязанъ коротко знать ея существенныя свойства, ея способъ употребленія. Нѣсколько легче будетъ ему укрѣпиться съ приданною отряду артилеріей, такъ какъ артилерія (конная батарея) въ состояніи слѣдовать за быстрыми и продолжительными движеніями кавалеріи. А коль скоро начальникъ отряда обязанъ имѣть точныя познанія въ двухъ другихъ родахъ оружія (на этотъ случай «оружія вспомогательныхъ»), то, по самой сущности дѣла и если имѣется въ виду дѣйствительный успѣхъ, то и всѣ офицеры баталіоновъ легкой пѣхоты должны знать мѣру требованій отъ кавалеріи и предѣлъ оказываемыхъ ею услугъ.

Главное условіе при дѣйствіяхъ смѣшаннаго летучаго отряда, по словамъ автора, заключается въ томъ, чтобы легкая пѣхота не мѣшала кавалеріи въ ея отдаленныхъ предпріятіяхъ. Съ другой стороны, чтобы сдѣлать кавалерію самостоятельною, ее вооружаютъ снаряжающимися съ казны карабинами; мало того: уже появились проекты относительно учрежденія «конной» пѣхоты, особо-организованныхъ конныхъ стрѣлковыхъ ротъ, ни рыбы, ни мяса, какъ выражается авторъ статьи, и потому, не останавливаясь на проектахъ, онъ старается разрѣшить задачу съ помощію уже готоваго матеріала. Какимъ же образомъ легкая пѣхота можетъ возможно-быстро слѣдовать за кавалеріей, чтобы быть на тѣхъ пунктахъ, гдѣ кавалерія можетъ нуждаться въ ней? какой тактическій строй долженъ быть на маршѣ или въ бою?

Приступая къ отвѣту на эти вопросы, авторъ указываетъ предварительно на цѣль легкихъ, самостоятельно-дѣйствующихъ войскъ. Цѣль эта можетъ заключаться только въ слѣдующихъ задачахъ: 1) образовывать завѣсу для прочихъ войскъ, чтобы они могли пользоваться необходимымъ спокойствіемъ для главныхъ дѣлъ, слѣдовательно охранительная служба въ обширныхъ разбѣгахъ; 2) разрывать непривало, протанутое противникомъ вокругъ себя; 3) прервать дви-

версія на флангахъ или въ тылу непріятеля, въ большихъ или въ малыхъ развѣрахъ.

Въ прилѣтъ охранительной службы, въ обширномъ видѣ, авторъ приводитъ случай изъ итальянской кампаніи 1866 года.

Эрцгерцогу Альбрехту, сосредоточивъ свои слабыя корпуса противъ двойныхъ силъ непріятеля за Эчемъ и на самой этой рѣкѣ, при Дониго, прикрылъ весь свой лѣвый флангъ и свой фронтъ легкою кавалеріей и егерскими баталіонами, а свой тылъ подвижными колонами самостоятельной пѣхотной бригады. Соединившіеся корпуса получили чрезъ то возможность отдохнуть предъ сраженіемъ при Кустоцѣ и не были утомляемы изнурительною аванпостною службою. Хотя, при имѣвшихся водныхъ линіяхъ: По, Минчіо, Адидже, Эчъ, такое обезпеченіе было облегчено, тѣмъ не менѣе участвовавшія въ охранѣ войска оказали существенную услугу.

Если подобныя охранительныя войска будутъ выдвигаемы достаточно далеко, и именно такъ, что егеря, пользуясь мѣстности, выставятъ легкія аванпосты, а кавалерія постоянно будетъ высылать патрули на дальнее разстояніе, то не только выигрывается время начать правильно-устроенное отступленіе, когда непріятель атакуетъ дѣйствительно превосходными силами, но и главнокомандующій будетъ поставленъ въ возможность узнать въ точности силу и направленіе непріятельскихъ колонъ, прежде чѣмъ онѣ вступятъ на боевое поле главной арміи.

Охрана становится, конечно, труднѣе въ странѣ неводвѣланной, безъ значительнаго воднаго оплота, противъ непріятеля, который самъ располагаетъ многочисленною легкою кавалеріей; но и здѣсь найдется линія, въ которой отдѣльныя мѣстности, лѣса и т. п., будучи заняты егерями, могутъ служить пріемною линіей, откуда выходитъ на поиски легкая кавалерія и гдѣ она можетъ имѣть убѣжище. Въ такой странѣ надобно имѣть наготовѣ нужное число крестьянскихъ подводъ, чтобы, въ крайнемъ случаѣ, можно было той или другой части пѣхоты скорѣе примкнуть къ кавалеріи. Этотъ родъ охраны одного оружія другимъ слѣдуетъ употреблять и въ малыхъ командахъ.

Авторъ убѣжденъ, что если легкая пѣхота еще въ мирное время будетъ упражняема въ обсуждаемой имъ задачѣ, то ей не будетъ трудно, во время войны, приобрести довѣріе кавалеріи, въ томъ смыслѣ, что она во-время успѣетъ поддержать ее. Надобно, однако, вообще помнить, что легкая пѣхота не имѣетъ цѣлю вступать въ собственно-кавалерійскій бой, а должна служить кавалеріи только

поддержкою. Для быстрыхъ же и отдаленныхъ предпріятій всегда назначается одна кавалерія, вооруженная заряжающимися съ казны карабинами; но кавалерія смѣлѣе и самоувѣреннѣе выступитъ на всякое отважное предпріятіе, зная заранѣе, что, если будетъ опрокинута, то егерскіе баталіоны, находящіеся позади на извѣстномъ разстояніи, готовы поддержать ее.

Что касается тактическаго устройства маршей, основанныхъ вдѣль на чисто-стратегическихъ соображеніяхъ, равно и маршеваго порядка, то все это обуславливается цѣлю, страной, средствами сообщенія, настроеніемъ жителей и т. п., слѣдовательно и говорить о томъ нельзя, даже приближительно.

«Ясный, спокойный духъ, съ значительною степенью мужественной, рыцарской отваги, самопожертвованіе въ пользу обѣихъ ратныхъ сестеръ, кавалеріи и артилеріи — вотъ чѣмъ долженъ отличатся начальникъ легкой пѣхоты».

Кавалерія въ американскую войну 1861—1865 гг. Статья эта есть лекція, читанная поручикомъ баварской арміи Ландманомъ въ мюнхенскомъ военномъ обществѣ 17-го декабря 1869 года. Авторъ начинаетъ съ объясненія, что, во все времена и при всѣхъ обстоятельствахъ, способъ веденія войны опредѣлялся, главнымъ образомъ, тремя факторами: развитіемъ и степенью годности вооруженныхъ силъ государства, родомъ и обиліемъ вспомогательныхъ его источниковъ и физическимъ характеромъ театра войны. Военная исторія учитъ, что оба послѣдніе фактора утрачиваютъ тѣмъ большее значеніе, чѣмъ лучше организованы и обучены войска, по что вспомогательные источники государства и физическій характеръ театра войны проявляютъ, съ своей стороны, тѣмъ большее вліяніе, чѣмъ менѣе усовершенствована боевая сила и чѣмъ ближе похожа она на вооруженную толпу народа. Причина та, что неподготовленный къ войнѣ народъ старается возмѣстить недостатокъ боевой годности извлеченіемъ возможной пользы изъ своихъ національныхъ особенностей, изъ отечественныхъ отраслей техники и промышленности и изъ мѣстныхъ условій; онъ употребляетъ наличныя вспомогательныя средства, независимо отъ традиціонныхъ формъ, наиболѣе цѣлесообразнымъ образомъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, но, притомъ, даетъ цѣну военнымъ обычаямъ и военно-научнымъ правиламъ лишь на столько, на сколько позволяютъ обстоятельства. Оттого воинскія предпріятія такого народа имѣютъ другой характеръ въ сравненіи съ боевыми дѣйствіями войскъ обученныхъ, выставаемыхъ военно-организованными государствами.

Послѣ этихъ общихъ истинъ авторъ обращается къ сѣверо-американской внутренней войнѣ, представляющей тотъ случай, когда народъ, жившій преимущественно мирными трудами, внезапно былъ поставленъ въ необходимость создавать многочисленныя арміи какъ бы изъ ничего и вести ими продолжительную борьбу. Въ теченіе этой борьбы образовался особенный способъ веденія войны, завиствшій вполне отъ американскихъ условій; но такъ какъ употреблены были въ дѣло и всѣ вспомогательныя средства современнаго европейскаго метода веденія войны, то общій военный интересъ нисколько не ослабѣваетъ при изученіи враждебнаго столкновенія двухъ половинъ великой заатлантической республики.

Отличительныя свойства американскаго веденія войны были, по мнѣнію автора, слѣдующія: 1) многостороннее и обширное употребленіе кавалеріи; 2) частое искусственное измѣненіе мѣстности на боевыхъ поляхъ; 3) пользованіе, въ широкихъ размѣрахъ, желѣзными дорогами для стратегическихъ цѣлей; 4) стратегическая и тактическая связь войны на сушѣ съ войною на водахъ.

До войны, изъ 15—20,000 человекъ регулярной арміи, численность кавалеріи не превышала 4,000 человекъ, раздѣленныхъ на шесть полковъ. Эта немногочисленная кавалерія, командуемая свѣдущими офицерами, была вооружена саблями, карабинами и револьверами, имѣла хорошихъ коней и вообще могла назваться надежною частію; но она была значительно ослаблена въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи, когда, съ открытіемъ войны, часть нижнихъ чиновъ и наибольшая часть офицеровъ, уроженцевъ южныхъ штатовъ, поступили въ армію конфедератовъ. Была, правда, въ сѣверныхъ штатахъ, кавалерія миллионная, но она состояла, большею частію, изъ мелочныхъ городскихъ лавочниковъ, въ меньшей части изъ землевладѣльцевъ, одѣтыхъ драгунами, гусарами и уланами; она была разбросана по всей странѣ, имѣла плохихъ лошадей, была необучена и вовсе не годилась для какихъ-либо военныхъ дѣлей. То же самое, и по тѣмъ же причинамъ, должно сказать о первыхъ кавалерійскихъ волонтерныхъ полкахъ, вновь сформированныхъ. Въ южныхъ штатахъ миллионная кавалерія была гораздо лучше. Это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что между тамошними вліятельными личностями, богатыми плантаторами, или, такъ называемыми, «баронами», происходившими отъ французскихъ и англійскихъ дворянъ-эмигрантовъ (гугенотовъ, приверженцевъ Стюартовъ), сохранялась несравненно-большая склонность къ военному ремеслу, тогда какъ жители сѣвера, потомки англійскихъ пуританъ

и методистовъ, нѣмецкихъ крестьянъ и бюргеровъ, никогда и не думали о войнѣ. Развитію кавалеріи въ южныхъ штатахъ благоприятствовали также обиліе хорошихъ лошадей, любовь къ верховой ѣздѣ плантаторовъ и самая необходимость объѣзжать верхомъ обширныя земли имъ принадлежащія. Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, конфедераты раздѣлили свою конницу на четыре разряда, имѣвшіе, за немногими исключеніями, совершенно различныя обязанности; это были: регулярная конница, партизанскіе отряды (*partisan gangs*), регулярная кавалерія (*regular cavalry*), развѣдчики (*scouts*), курьеры. Главную часть конницы южанъ составляли *регулярные отряды* или *партизалы*, формировавшіеся преимущественно изъ западныхъ штатовъ, болѣе же всего изъ Техаса, жители котораго, вслѣдствіе постоянныхъ экспедицій противъ индѣйцевъ, приобрѣли чрезвычайную ловкость въ веденіи малой войны. Какъ опытные стрѣлки, они пренебрегали саблею: въ ихъ глазахъ, самымъ цѣлесообразнымъ вооруженіемъ конницы были двухствольное ружье или карабинъ, револьверъ и вишпаль. При исполненіи какаго-либо предпріятія, партизанскіе отряды — силою отъ полусотни до нѣсколькихъ тысячъ всадниковъ, смотря по цѣли — сражались собственно какъ пѣхота: всадники оставляли коней въ безопасномъ мѣстѣ и затѣмъ наступали, какъ застрѣльщики, пользуясь, если было можно, закрытою мѣстностію, къ предмету атаки; самую же атаку открывали съ громкимъ крикомъ, чтобы заставить думать о своей многочисленности. Часто случалось, что одна часть отряда сражалась пѣшею, а прочія части вели атаку съ другой стороны на конѣ, *но бой всегда былъ рѣшаемъ пѣшими и огнестрѣльными оружіями*. Впрочемъ, партизаны рѣдко вступали въ серьезныя дѣла: они довольствовались тѣмъ, что снимали малые посты, перехватывали обозы съ военными и продовольственными припасами, портили желѣзныя дороги и, по порученію главнѣйшихъ начальниковъ, производили большія рекогносцировки.

Регулярная кавалерія хотя и имѣла, кромѣ огнестрѣльнаго оружія, саблю, но не любила употреблять ее въ дѣло. Всадникъ носилъ саблю между лѣвымъ шенкелемъ и сѣдломъ, къ послѣднему прикрѣпленную, чтобы устранить бряцаніе, избавиться отъ лишней шумѣхи въ пѣшемъ бою и не обращать на себя вниманія противника ничѣмъ блестящимъ. Раздѣленная на полки, бригады и дивизіи, регулярная кавалерія была употребляема, какъ тактический элементъ, на маршахъ, въ сраженіяхъ и въ бояхъ, а какъ элементъ стратегическій для самостоятельныхъ предпріятій. Если она находилась при арміи или при корпусѣ — чего часто не случалось по причинамъ, о кото-

рихъ будетъ сказано ниже—то двигалась на флангахъ или въ тылу маршевыхъ колоннъ; въ головѣ же всегда шла кавалерія. Впрочемъ охранительная служба, какъ ее понимаютъ въ Европѣ, была въ Америкѣ невозможна, да и ненужна. Невозможна потому, что, при недостаточной сѣтѣ обыкновенныхъ дорогъ, считали счастьемъ уже и то, когда встрѣчались пути только для движенія маршевыхъ колоннъ; ненужна по той причинѣ, что, большею частію, имѣли въ виду сражаться не иначе, какъ на опредѣленныхъ заранѣ позиціяхъ. Самый физическій характеръ страны сообщалъ войнѣ отпечатокъ позиціонной войны: сторона, чувствующая себя слабѣе или вообще склонная къ оборонѣ, выискивала себѣ на операціонной линіи противника позицію, гдѣ и ожидала его. Нерѣдко обѣ арміи стояли другъ противъ друга по цѣлымъ днямъ, не вступая въ дѣло, и только въ продолженіе этого времени принимали мѣры для своего огражденія посредствомъ линій передовыхъ постовъ. Въ такихъ случаяхъ, арміи южанъ были всегда окольцованы большою дугою кавалерійскихъ пикетовъ, отправлявшихъ сторожевую службу пѣшкомъ или на конѣ, смотря по свойству мѣстности, и притомъ весьма строго и съ знаніемъ дѣла. Напротивъ, у сѣверянъ, эта часть службы была исполняема съ большою беспечностію и безъ знанія дѣла: часто лагерные часовые служили, вмѣстѣ съ тѣмъ, и аванпостами, а если и выставались, на большія разстоянія, кавалерійскіе пикеты, то и они отправляли свою службу такъ небрежно, что нисколько неудивительными кажутся тѣ нерѣдкіе случаи, что утромъ конфедераты врываются въ лагерь уніонистовъ.

Въ большихъ сраженіяхъ, кавалерія южанъ и сѣверянъ играла вообще незначительную роль относительно воздѣйствія своего на ходъ боя. Только одна конница знаменитаго Джона Стюарта была въ состояніи выполнить сомкнутую атаку; но, по другимъ сказаніямъ, и эти отважные всадники не могли произвести успѣшнаго нападенія на сомкнутую и нетронутую пѣхоту. Достоверно то, что предпріятія малыхъ кавалерійскихъ частей, эскадроновъ и полковъ, оканчивались, большею частію, плохо. Обыкновенно атаки производились густыми массами, причѣмъ промежутки, образовавшіеся въ переднихъ рядахъ, всегда наполнялись изъ заднихъ рядовъ; атаки же развернутымъ строемъ случались рѣдко. Если сражалась кавалерія противъ кавалеріи, то часто обѣ стороны, во время атаки, вдругъ останавливались, хватались за карабины и за револьверы и открывали беспорядочный огонь, успѣхъ котораго долженствовалъ рѣшить, кто обратится вспять и кто станетъ преслѣдовать. Впрочемъ, лучшіе

кавалерійскіе начальники, въ особеннети генералъ Стюартъ, строго заирщали подобный способъ боя. Стюартъ полагалъ, что рѣшающее оружіе всадника, пока онъ на конѣ, есть сабля, хотя въ бою свѣщенномъ этотъ генералъ придавалъ высокое значеніе огнестрѣльному оружію; но слышались отдѣльные голоса и въ пользу револьвера вмѣсто сабли, именно при атакѣ. А такъ какъ лишь немногіе отборные полки были въ состояніи исполнить сомкнутую атаку и при этомъ правильно дѣйствовать саблею, то конница вообще не употреблялась для преслѣдованія послѣ успѣшнаго боя. Притомъ боевыя поля пѣхоты, весьма пересѣченныя и закрытыя, снабженныя засѣками и стрѣлковыми ямами, повсюду представляли убѣжище отъ кавалеріи; наконецъ, вслѣдствіе истощенія отъ ожесточеннаго боя, побѣдители не думали о преслѣдованіи побѣжденнаго.

Для обезпеченія за атаками кавалеріи какого-нибудь успѣха, принуждены были соединить ее въ сильныя части, и потому обыкновенно вся конница дѣйствующей арміи размѣщалась, въ составѣ одной или двухъ дивизій, на флангахъ или въ тылу (слѣдовательно, такъ называемой дивизионной кавалеріи не было); чтобы, смотря по обстоятельствамъ, принять участіе въ сраженіи. Однако дѣйствія подобныхъ массъ кавалеріи никогда не сопровождались особеннымъ успѣхомъ, исключая сраженія при Уинчестерѣ (19-го сентября 1864 г.), во время кампаніи уніонистскаго генерала Шеридана въ Шенардоаской Долинѣ: это было единственное сраженіе во всю войну, рѣшенное конницей. Шериданъ двинулъ всю свою кавалерію, отъ 6,000 до 7,000 человекъ, противъ лѣваго фланга арміи конфедератовъ, предводимой Ирли; дивизія произвела блестящую атаку на непріятеля, состоявшаго изъ всѣхъ родовъ оружія, и тѣмъ выиграла сраженіе.

Но такъ какъ на крайне пересѣченной мѣстности американскихъ полей битвъ рѣдко можно было встрѣтить свободныя пространства для движеній стользначительныхъ массъ кавалеріи, то американскіе генералы, чтобы не водить ее понапрасну съ собою, предпочитали или спѣшивать всадниковъ для боя, или вводить въ него только пѣхоту и артилерію, а на кавалерію возлагали особенныя предпріятія, именно: давать движеніямъ противника фальшивое направленіе, замедлять или останавливать его успѣхи.

Разсмотрѣвъ остальныя стороны дѣятельности американской кавалеріи, авторъ приходитъ къ общимъ окончательнымъ выводамъ. Онъ говоритъ, что на сколько многочисленная кавалерія, при ея правильномъ и целесообразномъ употребленіи, приноситъ существен-

ную пользу, на столько недостатокъ ея или нецѣлесообразное употребленіе крайне вредитъ успѣху. По мнѣнію автора, американская кавалерія играла въ войнѣ важную роль: она доказала, что можетъ быть весьма полезно не только въ бою, но, особенно, и въ продолженіе военныхъ операцій. Этотъ фактъ, въ свою очередь, показываетъ, что хотя сильное дѣйствіе огня или пересѣченность мѣстности ограничиваютъ дѣятельность кавалеріи на боевомъ полѣ, однако ей все еще остается довольно пространства, чтобы имѣть въ войнѣ большое значеніе.

Значеніе и употребленіе оптическихъ полевыхъ сигналовъ. Если въ обычной гражданской жизни извѣстное выраженіе англичанъ: «время—деньги» (*time is money*) приобрѣло высокое значеніе для всѣхъ отраслей человѣческой дѣятельности, то выраженіе это, переведенное на военный языкъ: «время—кровь; время—успѣхъ», получаетъ важность такой истины, на которой должны основываться всѣ правила «будущей тактики». Какъ эти правила ни различны по воззрѣніямъ современныхъ военныхъ писателей, какъ ни расходится между собою сужденія о будущемъ значеніи обѣихъ формъ боя, *атаки и обороны*, но въ одномъ пунктѣ самыя противорѣчивыя мнѣнія согласны: это—необходимость быстро и энергически пользоваться извѣстными событиями, которыя совершаются въ продолженіе боя, равно и при предшествующихъ ему операціяхъ, и бываютъ выгодны одной изъ сторонъ; мгновенно схватывать благопріятные моменты; безотлагательно исполнять принятые въ такіе моменты рѣшенія не только со стороны главнокомандующаго, но и со стороны всякаго единичнаго изъ сражающихся солдатъ, конечно въ предѣлахъ круга его дѣятельности. Отсюда вытекаетъ то стремленіе къ высшей степени самостоятельности всѣхъ и каждаго, которое дѣйствуетъ не случайно, не зря, но рационально, съ яснымъ сознаніемъ великой общественной цѣли, и заключаетъ въ себѣ залогъ успѣха.

Но если такая самостоятельность истинно-полезна, если приобретенные ею частные успѣхи веденія боя показываютъ, *идь, когда и какъ* полученныя выгоды должны послужить мгновенно къ нанесенію противнику рѣшительнаго удара, то и самыя руководители боя (въ ихъ различныхъ степеняхъ) должны быть поставлены въ возможность получать почти моментальныя свѣдѣнія обо всемъ случающемся, чтобы столь же быстро осуществлять свои дальнѣйшія распоряженія. Коль скоро этого нѣтъ, коль скоро благопріятнымъ моментомъ не воспользовались, и, напротивъ, непріятель уловилъ его въ свою пользу, тогда можетъ быть сдѣлана или несправивная

ошибка, или даже первый шагъ къ поражению. И наоборотъ: первый успѣхъ можетъ повести къ вѣрному и неудержимому ниспроверженію противодействующей силы.

Послѣ этого становится ясною вся важность того значенія, которое, несомнѣнно, приобрететь въ будущиѣхъ войнахъ *господство надъ временемъ, свободное пользованіе настоящими.*

Предисловіи основныхъ положеній, авторъ обращается къ неудовлетворительности употребляемыхъ нынѣ, на войнѣ, способовъ передачи извѣстій: «Еще считаютъ *часами* время, пока даже самые отважные и смѣлые находчивые вѣдовые доставить, куда нужно, извѣстія и приказанія; посланные и теперь еще подвержены всевозможнымъ случайностямъ на возвратномъ пути, особенно въ мѣстности трудной, мало знакомой; бываетъ и такъ, что, при внезапно-измѣнившемся ходѣ боя, адъютанты или ординарцы уже не находятъ тѣхъ, которые должны получить извѣстіе или приказаніе». Авторъ упоминаетъ также о сигналахъ, употреблявшихся въ давно-минувшія времена (костры на горахъ, звонъ въ колокола, сигнальные выстрѣлы) для скорѣйшей передачи извѣстій; объ оригинальномъ и практическомъ способѣ извѣщенія, придуманнаго датчанами въ войну 1864 года, именно объ условленномъ значеніи того или другаго поворота далеко-видимыхъ крыльевъ вѣтряныхъ мельницъ; о сигналахъ посредствомъ дыма (Rauchsignale), которыми пруссаки, въ войну 1866 года, давали знать о положеніи каждой части въ бою, не которые часто оказывали ту же услугу противнику. Объ электро-магнитной полевой телеграфной системѣ авторъ не говоритъ потому, что, при нынѣшней ея организаціи, она не можетъ служить къ передачѣ тѣхъ извѣстій во время боя, о которыхъ идетъ рѣчь въ статьѣ: она не допускаетъ мгновеннаго устройства сигнальныхъ станцій, въ примѣненіи своемъ требуетъ мѣстности удобопроеходимой, непрерываемой такими преградами, каковы рѣки, глубокіе овраги, болота и т. д. Но авторъ находитъ необъяснимымъ, почему въ сухопутныхъ войнахъ не пробовали употреблять основное начало тѣхъ оптическихъ сигналовъ, которыми моряки всѣхъ націй, давно, и съ успѣхомъ, пользуются въ самыхъ разнообразныхъ и затруднительныхъ положеніяхъ. Онъ напоминаетъ о сигналахъ адмирала Тегетгофа: «сцѣпиться съ непріателемъ и потопить», съ быстротою молніи подхваченномъ всѣми австрійскими судами и имѣвшемъ послѣдствіемъ конечное поражение итальянскаго флота при Лиссѣ. «Представимъ себѣ сухопутное сражаніе», прибавляетъ авторъ, «въ которомъ главнокомандующій, съ помощію подобной системы сигналовъ, былъ бы поставленъ въ возможность воскресить

упадающее мужество дѣльных частей, быстро распространивъ вѣсть объ успѣхѣ, приобретаемъ на какомъ-нибудь пунктѣ. Какъ воспламенительно подѣйствовали бы подобныя сигнальныя донесенія!»

Изобрѣтательные американцы впервые применили къ дѣлу известную нынѣ оптическую систему полевыхъ сигналовъ, которую тотчасъ же приняли англичане въ абиссинскомъ экспедиціонномъ корпусѣ, и, судя по реляціямъ, употребляли ее съ успѣхомъ. Опытъ показалъ, что наибольшее среднее разстояніе двухъ оптическихъ сигнальныхъ станцій, при средне-благоприятномъ освѣщеніи и при такомъ же заднемъ планѣ (фонѣ), можно принять, *днемъ*, въ *тысячу* шаговъ; при весьма благоприятномъ освѣщеніи, это разстояніе увеличивается до *полуторы* тысячи шаговъ, не прибѣгая къ исобію оруженнаго глаза. *Ночью* же, свѣтящіеся сигналы употребляются на разстояніи *одное* болыномъ. Если дневное освѣщеніе вполнѣ неблагопріятно, по причинѣ тумана, дождя и т. д., то, вмѣсто сигналовъ оптическихъ, употребляются сигналы акустическіе.

Противники оптической системы сигналовъ возражаютъ, что приѣненіе ея возможно только тамъ, гдѣ мѣстность благопріятствуетъ устройству сигнальныхъ станцій, т. е. мѣстность ровная, совершенно открытая или же гористая. Авторъ статьи отвѣчаетъ, что люди, коротко ознакомленные съ оптической системой передачи сигналовъ, сумѣютъ найти удобныя для станцій мѣста даже на закрытой равнинѣ, ибо опытомъ дознано, что достаточно самой значительной возвышенности надъ уровнемъ пещы, чтобы существенно расширить кругъ зрѣнія (горизонтъ). Крыши домовъ, колокольни, деревья, и, въ крайнемъ случаѣ, легкіе подмостки, быстро поставленные людьми сигнальной команды или инженерными войсками, все это можетъ служить удобными пунктами для сигнальныхъ станцій.

Принимая за неоспоримую истину, что оптическая система полевыхъ сигналовъ можетъ довести передачу извѣстій въ военное время до невѣдомой нынѣ степени быстроты и достовѣрности, авторъ допускаетъ это при соблюденіи одного непремѣннаго условія, а именно: если приѣненіе системы будетъ не произвольное и не случайное, но обусловленное точно-сообразными правилами; если она постоянно и строго будетъ согласуема съ мѣстностію, съ расположеніемъ и съ движеніемъ войскъ.

Главнѣйшимъ же правиломъ при употребленіи въ дѣло оптической системы сигналовъ авторъ считаетъ слѣдующее: «должно быть строгое различіе между тѣми сигнальными станціями, которыя служатъ для управленія въ бою большими массами войскъ, занятыми выполненіемъ

определенной задачи, и тѣмъ сигнальными станціями, которыя устроены на минуту и служатъ лишь для внутренняго распоряженія отдельными частями». — «Въ рѣзкомъ различіи этихъ двухъ направленій заключается вся тайна усовершеннаго прииженія новой системы передачи шифротѣхъ; наибѣе уклоненіе отъ этого основнаго правила можетъ повести къ самымъ вреднымъ заиженіямъ».

Въ заключеніе рѣсмотрѣнїа авторомъ троекое прииженіе къ дѣлу оптической системѣ подводныхъ сигналовъ: 1) въ состояніи неподвижности; 2) въ движеніи; 3) въ бою.

Торпедо. Извѣстно, что въ послѣднюю американскую войну употреблено было, впервые, въ обширныхъ размѣрахъ средство для обороны гаваней, для прегражденія линіи большихъ рѣкъ — средство, которое, по своей простотѣ, дешевизнѣ и дѣйствительности, должно играть значительную роль въ будущихъ войнахъ. Неудивительно поэтому, что новѣйшая военная литература усердно занялась наслѣдованіями о «торпедахъ» (*) и нынѣ уже представляетъ богатый матеріалъ для ознакомленія съ грозными подводными и подземными минами. Къ числу такихъ матеріаловъ принадлежитъ подробное и тщательно-обработанное разсужденіе инженеръ-подполковника Исидора Грауцля. Авторъ заявляетъ, что главный результатъ дѣйствія торпедъ заключается не въ уничтоженіи непріятельскаго военнаго матеріала и не въ пассивной оборонѣ собственныхъ бурловъ и гаваней, но въ ихъ глубокомъ-потрясающемъ вліаніи на обширныя военно-сухопутныя операціи тѣмъ, что они или дѣлаютъ вовсе невозможными, или въ значительной степени замедляютъ содѣйствіе флота, на которое рассчитывалось при начертаніи плана войны. Въ подтвержденіе авторъ приводитъ многіе примѣры, служащіе виѣсть съ тѣмъ доказательствомъ, что ознакомленіе съ торпедами любознательно не только для военнаго инженера, но приобретаетъ общій интересъ въ виду вѣроятнаго употребленія ихъ въ будущихъ войнахъ. Да и независимо отъ техническихъ и военныхъ факторовъ, борьба съ помощію столь грозныхъ разрушительныхъ средствъ имѣетъ нерѣдко вышій интересъ съ чисто-психологической точки зрѣнія: ни одно военное дѣяніе не требуетъ, въ болѣе безусловной степени, наибѣешаго презрѣнія смерти, соединеннаго съ хладновровнѣишею, всестороннею разсудительностію на практикѣ, какъ открытая атака военныхъ судовъ посредствомъ торпедъ.

(*) Названіе «торпедо» заимствовано отъ названія электрическаго угря: torpido, torpille. Оно въ особенности пригодно для электрическаго торпедо, удары котораго напоминаютъ, конечно въ громаднo-страшныхъ размѣрахъ, удары электрическаго угря (*gymnotus electricus*).

Многія сцены изъ послѣдней сѣверо-американской войны могутъ быть поставлены рядомъ съ поразительнѣйшими драматическими положеніями.

Представивъ, въ краткомъ очеркѣ, историческія данныя о развитіи подводныхъ минъ до американской войны, авторъ переходитъ къ задачѣ своихъ изслѣдованій и раздѣляетъ свой трудъ на двѣ половины: въ первой онъ говоритъ объ употребленіи торпедъ американцами, во второй рассматриваетъ тѣ новыя формы и усовершенствованія торпедъ, которыя были испытаны австрійцами въ кампанію 1866 года.

О морскихъ торпедо уже довольно было говорено въ «Военномъ Сборникѣ», и потому мы представимъ сущность изысканій автора о торпедахъ сухопутныхъ, къ которымъ должно причислить не только большую часть различныхъ родовъ минъ, но также фугасы въ ихъ многочисленныхъ варіантахъ и даже «савартини» (метательныя торпедо).

По мнѣнію автора, мина въ сухопутной войнѣ далеко еще не достигла того употребленія, котораго она заслуживаетъ своею дѣйствительностію и легкостію ея обширнаго примѣненія. Извѣстно, что войска съ крайнею робостію ступаютъ на почву, которую предполагаютъ минированною; если же земля начнетъ колебаться подъ ними, хотя бы отъ невинной флдермины (фугаса), вдругъ выбросившей свой огненный снопъ между штурмующими колонами, то о дальнѣйшемъ наступленіи нечего и думать: войска, большею частію, обращаются въ безпорядочное бѣгство. Не подлежитъ сомнѣнію, что, при энергическомъ, разумномъ веденіи дѣла, сухопутныя мины будутъ играть такую же, какъ и морскія торпедо въ своей сферѣ, роль при оборонѣ укрѣпленій, для прегражденія и нерыва рельсовыхъ путей, хотя бы они были уже во власти противника. Американская война представляетъ немногое примѣровъ въ доказательство большой пользы отъ сухопутныхъ торпедо; однако и то, что есть, достойно вниманія. Начать съ того, что, по единогласному свидѣтельству южныхъ американцевъ, сухопутныя торпедо существенно служили къ охранѣ укрѣпленій даже чисто-моральнымъ дѣйствіемъ своимъ на атакующихъ: федералисты тщательно избѣгали ступать на минированную мѣстность. Подъ Петербургомъ наибольшая часть верховъ лѣваго фланга была снабжена торпедами, которыя до такой степени застраховывали ихъ отъ штурма, что конфедераты, при повторенныхъ атакахъ на центръ ихъ укрѣпленной позиціи, часто почти совершенно оббазжали лѣвый флангъ отъ войскъ и направляли всѣ силы къ угрожаемымъ пунктамъ.

Первыя сухопутныя торпеды, употребленныя конфедератами, были гранаты малаго кадра (24-фунтовыя), и мѣдная дощечка, приравнявшая гремучій снарядъ, имѣла такую силу, что взрывъ происходилъ при 8-фунтовомъ на нее давленіи. Весь снарядъ заключался въ тонкой цилиндрической жестяной коробкѣ, верхняя часть которой, почти вровень съ землею, такъ прилегалась къ приводу, что довольно было наступить на нее, чтобы послѣдовалъ взрывъ. Подобныхъ гранатъ было очень много передъ фортомъ Вагнеръ, но онѣ оказались мало-дѣйствительными и впоследствии болѣе не употреблялись. Вмѣсто ихъ стали употреблять большіе мѣшки нѣзъ парусины, которые были наполнены пулями, старымъ желѣзомъ и въ срединѣ заключали, въ жестяной коробкѣ, 8-фунтовой зарядъ. Ихъ укладывали въ колодези, ось которыхъ была еклонена къ неприятелю. Воспламенение производилось электричествомъ. Такого рода фугасы, удаленныя на тридцать футовъ другъ отъ друга, располагались часто многими рядами передъ укрѣпленіями. Дѣйствіе ихъ оказалось значительно сильнѣе обыкновенныхъ каменныхъ фугасовъ, и ихъ было заложено много подъ Петербургомъ, отчасти, впрочемъ, въ видѣ нѣмыхъ минъ (dummy-mines), т. е. для введенія федералистовъ въ обманъ.

Были такія торпеды и передъ фортомъ Фишеръ, но всѣ они, во время штурма, не произвели желаннаго дѣйствія, отчасти потому, что проводники, углубленные только на три фута, много пострадали отъ неприятельскаго огня; отчасти—что еще вѣроятнѣе—потому, что были положены небрежно и употреблена невоспримчивая воспалительная масса. Статсья можетъ, и зажигательный снарядъ Уитстона, здѣсь дѣйствовавшій, былъ слишкомъ слабъ.

Авторъ рекомендуетъ каждому инженерному офицеру слѣдующія слова капитана Стюарта: «Сухопутныя торпеды весьма просты и изготовляются легко. Съ ихъ помощію можно провести кругомъ полевого укрѣпленія или батареи, даже части позиціи, кордонъ, котораго не перейдутъ и храбрѣйшія войска. Торпеды импровизируются быстро, и если бы даже не могли быть изготовлены по недостатку средствъ, то взрытіе земли на правильныхъ разстояніяхъ и выставленіе небольшихъ красныхъ флаговъ (въ Америкѣ обозначали такими флагами мѣсто каждой мины) могутъ быть часто почти столько же дѣйствительными, предполагая, разумѣется, что тайна будетъ сохраняема строго; ибо, въ противномъ случаѣ, дезертиры сообщать неприятелю о укрѣпленіяхъ».

Статья оканчивается словами Гольмса, автора статьи «Торпеды

defences», помѣщенной въ «Journal of the Royal United Service Institution 1867 г.»: Торпедо, одно изъ самыхъ страшныхъ военныхъ оружій, способно, при помощи науки, быть доведеннымъ до самаго точнаго и до самаго вѣрнаго дѣйствія. Это оружіе, въ рукахъ морскихъ и военныхъ инженеровъ—если будетъ построено и употреблено правильно—можетъ быть такимъ оборонительнымъ средствомъ, противъ котораго окажутся безсильными и нарѣзная артиллерія, и желѣзные суда».

Мы желали представить нѣсколько разнородныхъ образчиковъ изъ статей, помѣщенныхъ въ «Австрійскомъ Военномъ Журналѣ»; но на первый разъ мы далеко не исчерпали всего, что могло бы заинтересовать нашихъ читателей, и принуждены, по тѣснымъ предѣламъ библиографическаго отчета, ограничиться указаніемъ на тѣ статьи, которыя достойны вниманія людей любознательныхъ. Таковы, напримеръ, «Лекціи о стратегіи», читанныя въ военномъ училищѣ полковникомъ барономъ Куномъ (нынѣшнимъ австрійскимъ военнымъ министромъ); «Объ обученіи войскъ» (со смѣшанными оружіями и тактическими единицами); «Объ употребленіи артиллеріи въ полевой войнѣ»; «Біографія фельдмаршала барона Гесса»; «Полое сраженія и сраженіе при Траутенау, въ войну 1866 года»; «Австрія и Суэзскій каналъ»; «Мысли объ употребленіи кавалеріи въ духѣ современнаго веденія войны». Въ особенномъ приложеніи помѣщено подробное «Описаніе войны въ Шлезвигѣ и въ Ютландіи въ 1864 году».

Что до военне-статистическаго и военно-административнаго сборника, прилагаемаго къ журналу въ видѣ отдѣльнаго періодическаго изданія, то онъ заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ и важныхъ матеріаловъ, касающихся не одной австрійской, но и другихъ армій.

Статьи библиографическія составляютъ принадлежность каждой книжки.

Т.